
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 008:001.8

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.032

Семья как мемориальный кластер (специфика мемориальной активности современной чеченской семьи)

Ярычев Насруди Увайсович

доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе,
Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова. Россия, г. Грозный.
ORCID: 0000-0003-4667-8020. Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является осмысление специфики современной семьи как особого мемориального кластера, то есть субъекта мемориализации, ограниченного рамками родственной группы, инициирующего разнообразную по формам и содержанию мемориальную деятельность и подразумевающего коллективный характер мемориальной активности. Семья в контексте чеченской культуры выступала и выступает в настоящее время не просто традиционной ценностью, но и пространством сохранения памяти, межпоколенной коммуникации, поддержания социального единства и темпоральной стабильности. На материалах проведенного исследования (метод глубинного интервью, массив выборки – 90 человек: этнические чеченцы, проживающие на территории Чеченской Республики), автор статьи пришел к выводу о том, что мемориальная деятельность современной чеченской семьи отличается: 1) чрезвычайной активностью и востребованностью (каждый из участников интервью принимает участие в различных формах семейной мемориальной активности); 2) семейно-созидательным и семейно-образующим статусом (совместная мемориальная деятельность – посещение кладбищ, совместные молитвы, работа с семейным архивом и прочее – воспринимается современными чеченцами в качестве фундирующего основания существования семьи); 3) интериорным, замкнутым характером (ориентацией на мемориализацию самой семьи, а не внешних исторических событий или личностей); 4) традиционностью и консервативностью (прочной интеграцией в традиционный повседневный уклад, связью с базовыми ценностными установками чеченского народа); 5) гармоничным единством религиозно-ритуального и информационно-познавательного компонентов (пропорциональной представленностью мемориальной активности, связанной как с религиозными поминальными практиками, так и с самообразованием); 6) доминирование устных форм семейно-мемориальной коммуникации (общение со старшими членами семьи, чтение и обсуждение исторических книг).

Ключевые слова: мемориальная культура, мемориальная культура Чеченской Республики, семья, прошлое.

Введение. Феномен коллективной памяти можно назвать одним из наиболее востребованных в современной гуманитаристике. И, несмотря на то, что время от времени в пространстве мемориальных исследований звучат мысли о кризисе мемориалистики [1; 2; 18] и истерпанности ретро-проблематики [19; 20], она тем не менее сохраняет свою актуальность. Л. Б. Гапоненко объясняет это следующим образом: «Социокультурные изменения в современном мире характеризуются кризисом социокультурных моделей периода неоглобализма, отказом от мультикультурализма, возвратом интереса к национальным культурам, выражающимся зачастую в стремлении к локальному обществу, организованному на национально-этнической или религиозно-фундаменталистской идеологии. Человек в условиях глобального оцифрованного общества ищет опору в обыденности, реальности, исторических традициях» [0, с. 42].

Магистральная мысль мемориальных дискуссий, заданная еще П. Нора [11], А. Мегиллом [10], Д. Лоуэнталем [9], Хаттоном [15] – девитализация живого прошлого и превращение

его в историю, в архивированную и музеефицированную память, в объект политических манипуляций. Иными словами – уничтожение под натиском прогресса и модернизации связи прошлого и настоящего, связи одного поколения с другим, поддерживаемой посредством традиции и коммуникативной памяти (в терминологии Я. Ассмана [3]). Эти процессы как нельзя точнее сформулировал П. Нора в уже почти ставшей крылатой фразе «Все говорят о памяти, потому что памяти больше нет» [12, с. 15]. Эту мысль конкретизирует М. Л. Шуб: «Для традиционного восприятия прошлого, основанного на повторении, была характерна постоянная и непрерывная актуализация его в настоящем. Оно было вплетено в живую ткань традиции, было частью повседневного бытия группы и потому не осознавалось как прошлое. Сегодня же оно выключено из жизненного пространства, более того – оно дистанцировано от актуальной культуры в целом, поэтому единственной формой взаимодействия с прошлым становится его реконструкция» [17, с. 74].

Одним из немногих институтов сохранения традиции как носителя и транслятора преданий о прошлом остается семья. В контексте актуальных трансформаций семья играет ключевую роль не только как «заземляющая» альтернатива стремительному темпоральному ускорению, не только как оплот стабильности и надежности, но и как важнейший мемориальный кластер, способствующий аккумуляции, сохранению и трансляции памяти в формате традиций, обычаев и иных форм межпоколенной коммуникации. В этой роли семья «сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека, выравнивая противоречия личностного и общественного нейтрально-родовым, основанным на родственных чувствах, наполняющих событийность прошлого и настоящего особым личностно-значимым смыслом... сохраняет социально ценную информацию для будущих поколений... выполняет стабилизирующую функцию, защищающую общество от катаклизмов революционных изменений» [8, с. 69–70].

Методология и результаты исследования. Семья в чеченской культуре – это нечто большее, чем форма социального объединения родственников. Это, прежде всего, инструмент поддержания темпорального единства, сохранения связей между отдельными людьми и целыми поколениями. Как отмечает З. И. Хасбулатова, «передачу жизненного и практического опыта, исторически сложившихся традиций... следует считать одним из необходимых условий жизнедеятельности чеченского общества. Передача навыков старшего поколения младшему, когда обычаи и ценности непосредственно вплетались в жизнь человека с раннего детства, он приобщался к ним через семью – являлись важным и главным условием жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского» [14, с. 209].

Высокий социальный статус семьи закреплен и специально обозначен в различных официальных документах Чеченской Республики [5; 7], в том числе и в «Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики», в которой «укрепление семьи, сохранение добрых традиций семейного воспитания, формирование прочной системы духовно-нравственных ценностей» [6] называется главным социальным приоритетом и неотъемлемой частью стратегии развития государства.

На протяжении 2021–2022 гг. автор настоящей статьи осуществлял исследование современной мемориальной культуры Чеченской Республики. Одним из методов исследования выступил метод глубинного интервью, участниками которого стали 90 этнических чеченцев, проживающих на территории Чечни. Одна из векторных целей исследования заключалась в изучении «низовых», неинституализированных форм мемориальной культуры, существующих как на уровне отдельной личности, так и на уровне семьи. В рамках данной статьи мы бы хотели более подробно остановиться на освещении специфики мемориальной активности чеченской семьи.

Под семейной мемориальной активностью мы понимаем инициацию различных видов мемориальной деятельности и/или участие в них членов семейного коллектива. В данном случае речь в равной степени может идти как о внутрисемейных мемориальных традициях и обычаях, так и об официальных коммеморативных практиках. Полный перечень видов семейной мемориальной деятельности, выявленный на основе ответов участников интервью, представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Формы сохранения памяти о прошлом в рамках отдельной чеченской семьи

№	Вид	Кол-во ответов
1	Коллективные молитвы и иные поминальные ритуалы	39
2	Чтение исторической литературы	34
3	Составление генеалогического древа	24
4	Совместный просмотр фотографий, составление семейного архива	11
5	Рассказы старшего поколения об истории семьи и народа (устная история)	10
6	Создание групп памяти в социальных сетях	1
7	Посещение музея	1
8	Соблюдение национальных традиций	1
9	Посещение музея	1
10	Коллекционирование старинных предметов	1
11	Мемориальное паломничество	1

Ответы участников интервью позволяют говорить о *чрезвычайно высокой востребованности различных семейных форм и способов сохранения памяти о прошлом* – каждый из респондентов указал несколько (более двух) видов мемориальной деятельности, практикуемой в его семье. Сама такая деятельность в этом контексте оказывается во многом семейно-образующей, поддерживающей единство членов семьи, общие ценности, память о предках и прочее.

Эта мысль подкрепляется также и тем, что наиболее популярные мемориальные практики (участие в коллективных молитвах, посещение могил родных и близких, совместное прослушивание рассказов старших об истории рода, работа с семейным архивом, составление генеалогического древа и прочее) имеют *интериорный, в некотором смысле самозамкнутый характер*, то есть направлены на мемориализацию семейной истории, членов семьи, значимых семейных артефактов и тому подобное, а не ориентированы на коммеморацию внешних по отношению к семье событий или персоналий.

Даже чтение исторической литературы, посвященной истории Чечни, может рассматриваться в аналогичном ключе, поскольку, как свидетельствуют ответы респондентов, история родной страны воспринимается ими не изолированно от семейной истории, а как масштабный контекст ее бытования. Приведем один из ответов участников интервью: «Моя страна – это моя семья, а моя семья – это моя страна. Разделить их нельзя. Если я не знаю историю своей страны, как я могу по-настоящему знать свои корни?».

Стоит также отметить, что самые популярные формы семейной мемориальной деятельности (посещение могил, коллективные молитвы, беседы со старшими членами семьи и другое) носят в целом *традиционный и консервативный характер*, то есть имеют долгую историю своего практического воплощения. Они зародились много веков назад и сами являются частью традиций и обычаев предков, воплощают в себе национальные ценности, являются механизмом межпоколенной коммуникации.

Эти же мемориальные практики, как свидетельствуют данные Таблицы 1, носят практически в равной степени *религиозно-ритуальный* (связанный с поминальными действиями) и *интеллектуально-ознакомительный* (чтение литературы, составление генеалогического древа) характер и ориентированы как на получение мемориальной информации, так и на практическую мемориальную деятельность.

Семья в современном чеченском обществе выступает одновременно и «сейфом», и «инкубатором» памяти.

В первом – прошлое сохраняется, капсулируется в виде устойчивых форм мемориальной деятельности – от бесед со старшими об истории рода до посещения могил умерших предков. Стабильная и неизменная востребованность таких форм объясняется предельной значимостью традиции как составляющей национальной идентичности и самосознания чеченцев. Не случайно на вопрос о традициях и обычаях, сохраняемых в их семьях, 92 % респондентов ответили: «*Все существующие*». Остальные респонденты лишь уточнили свои ответы, назвав конкретные традиции:

- уважение к старшим;
- гостеприимство;
- бережное отношение к семье;

- взаимопомощь;
- сохранение чувства гордости и достоинства;
- соблюдение похоронных, свадебных и иных обрядов.

Чеченская семья, понимая в данном контексте, выполняет функцию «антропологического места» [13, с. 41], сохраняющего и воспроизводящего значимые для группы ценности и смыслы, обеспечивающего локальную идентичность.

Во втором («инкубаторе» памяти) – устойчивые мемориальные формы каждый раз рождаются заново, актуализируются, ревитализируются – с приходом новых членов семьи, смертью стариков, с изменением внешних социально-политических или экономических обстоятельств, просто с течением времени.

Мы попросили респондентов назвать механизмы, благодаря которым происходит передача социального опыта, исторических знаний, жизненного уклада от поколения к поколению. Иначе – обозначить формы воспроизводства «живой» (коммуникативной, в риторике Я. Ассмана) памяти, характерные для их семьи. Ответы участников интервью представлены ниже (в порядке убывания востребованности ответа):

- устная форма (разговоры с представителями старшего поколения);
- предметно-пространственная форма (приобщение к национальным традициям посредством взаимодействия со старинными вещами, семейными ценностями, ведение семейного архива);
- дидактическая форма (передача опыта, традиций личным примером, в процессе воспитания);
- познавательная форма (чтение специализированной литературы по истории культуры чеченского народа);
- обрядово-ритуальная форма (воспроизводство традиций в свадебных, похоронных и иных обрядах);
- мемориальный туризм (посещение родовых мест).

Доминирование устного формата мемориальной коммуникации подтверждает ее традиционный и консервативный характер. Несмотря на активное продвижение различных цифровых и дистанционных форм мемориальной деятельности (онлайн-сервисы по составлению семейного древа, виртуальные кладбища и прочее), для современной чеченской семьи продолжает сохранять актуальность живая коммуникация родственников, взаимодействие с реальными артефактами памяти, личное участие в актах мемориализации.

Ответы респондентов подтверждают замкнутый характер семейной мемориальной активности. Она, главным образом, сосредоточена на самой себе, на общении поколений, на взаимодействии с пространственно-предметной средой, фиксирующей основные этапы семейной истории, на каждодневном воспроизводстве национальных традиций и обычаев в естественных формах повседневной жизни. Респонденты не назвали ни одного способа передачи традиций, обычаев и прочего, связанного с внешними по отношению к семье акторами или институциями (образование, СМИ и прочее).

Заключение. Сложно делать однозначные выводы о ярко выраженной специфике (об особом статусе, особой активности, особой ценностной наполненности) семейной мемориальной активности современных чеченцев в сравнении, скажем, с мемориальной деятельностью современной русской семьи. Для таких выводов нужны тематически близкие исследования, проводимые по аналогичной инструментальной технологии. Однако в качестве подтверждающего аргумента можно сослаться на исследование локальной идентичности жителей индустриальных южноуральских городов, автор которого, М. Л. Шуб, так характеризует уровень семейной мемориальной активности южноуральцев: «В целом жители всех шести изучаемых городов отличаются пассивностью в проявлении культуры памяти на персонально-семейном уровне... из предложенных участникам исследования вариантов сохранения памяти о семейном прошлом как наиболее предпочтительные были выбраны те, которые не требовали высокой степени активности, деятельного участия, перемещения в пространстве, интеллектуальных и временных затрат и прочее» [16, с. 196–197].

На основании ответов участников проведенного нами глубинного интервью можно говорить о совершенно иной картине, об активном функционировании в пространстве современной чеченской мемориальной культуры коммуникативной памяти, об исчезновении которой писал П. Нора. Последний был убежден, что из семьи «вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторении пришедшего

от предков, под влиянием глубинного исторического чувства» [13, с. 17]. Как показывают результаты исследования, эти трансформации не коснулись современной чеченской семьи, которую можно охарактеризовать как чрезвычайно значимый мемориальный кластер.

На наш взгляд, в данном случае срабатывает сразу три значимых обстоятельства. Во-первых, высокая мемориальная активность самих респондентов, уделяющих большое внимание семейно-родственным формам «работы» с прошлым (100 % участников интервью). Во-вторых, глубокая и системная вмонтированность семейной мемориальной деятельности в структуру повседневности современных чеченцев, ее восприятие как значимого ресурса сохранения национальной самобытности, поддержания связи поколений, воспроизводства традиций и обычаев. В-третьих, мемориальная активность именно на уровне семьи является локальной моделью масштабной, общегосударственной мемориальной политики. В ней отражаются все значимые официально закреплённые мемориальные ценности, востребованные модели поведения, формы мемориализации. Через семейную мемориальную деятельность проявляется (и посредством нее же формируется) гражданская позиция чеченцев, их отношение не только к собственным родственникам, но и ко всему чеченскому народу в целом.

Список литературы

1. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A> (дата обращения: 25.11.2022).
2. *Ассман А.* Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. *Гапоненко Л. Б.* Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 40–53.
5. Государственная программа Чеченской Республики «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике». URL: <https://docs.cntd.ru/document/430606685> (дата обращения: 05.12.2022).
6. Единая Концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?index=6&rangeSize=1> (дата обращения: 09.12.2022).
7. Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432867330?marker> (дата обращения: 11.12.2022).
8. *Логунова Л. Ю.* Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
9. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб. : Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 624 с.
10. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
11. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (дата обращения: 23.12.2022).
12. *Нора П.* Франция-память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
13. *Тхакахов В. Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 40–49.
14. *Хасбулатова З. И.* К вопросу о роли семьи и общества в воспитании детей в традиционном чеченском обществе в XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 209–212.
15. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2004. 424 с.
16. *Шуб М. Л.* Культура памяти в структуре идентичности жителей промышленных городов. Челябинск : ЧГИК, 2021. 283 с.
17. *Шуб М. Л.* Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : дисс. ... докт. культурологии. Челябинск, 2018. 491 с.
18. *Assmann A., Conrad S.* Memory in a global age. Discourses, Practices and Trajectories. England : Macmillan Publishers Limited, 2010. 252 p.
19. *Bernhard M., Kubik J.* Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration. Oxford : Oxford University Press, 2014. 326 p.
20. *Torpey J.* Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices. USA : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 328 p.

The family as a memorial cluster (specifics of the memorial activity of the modern chechen family)

Yarychev Nasrudi Uvaysovich

Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, professor, vice-rector for academic affairs,
Kadyrov Chechen State University. Russia, Grozny. ORCID: 0000-0003-4667-8020.
Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the specifics of the modern family as a special memorial cluster, that is, a subject of memorialization, limited by the framework of a related group, initiating memorial activities of various forms and content and implying the collective nature of memorial activity. The family in the context of Chechen culture has acted and is currently acting not just as a traditional value, but also as a space for preserving memory, intergenerational communication, maintaining social unity and temporal stability. Based on the materials of the conducted research (the method of in-depth interview, the sample array – 90 people: ethnic Chechens living in the territory of the Chechen Republic), the author of the article came to the conclusion that the memorial activity of the modern Chechen family is different: 1) extreme activity and demand (each of the interview participants takes part in various forms of family memorial activity); 2) family-creative and family-forming status (joint memorial activities – visiting cemeteries, joint prayers, working with the family archive, etc. – are perceived by modern Chechens as the foundation for the existence of the family); 3) internal, self-enclosed character (orientation to memorializing the family itself, and not external historical events or personalities); 4) traditional and conservative (strong integration into the traditional everyday way of life, connection with the basic values of the Chechen people); 5) the harmonious unity of religious-ritual and informational-cognitive components (proportional representation of memorial activity related to both religious memorial practices and self-education); 6) the dominance of oral forms of family-memorial communication (communication with older family members, reading and discussing historical books).

Keywords: memorial culture, memorial culture of the Chechen Republic, family, past.

References

1. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture]. M. New Literary Review, 2016. 232 p. Available at: <https://culture.wikireading.ru/hd7PWSU85A> (date accessed: 25.11.2022).
2. Assman A. *Raspalas' li svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the connection of times broken up? The rise and fall of the temporal regime of Modernity]. M. New Literary Review. 2017. 267 p.
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M. Languages of Slavic culture. 2004. 368 p.
4. Gaponenko L. B. *Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati* [Constructing national identity in the context of memory politics] // *Nauchnyy zhurnal "Diskurs-Pi"* – Scientific journal "Discourse-Pi". 2020. No. 3 (40). Pp. 40–53.
5. *Gosudarstvennaya programma Chechenskoj Respubliki "Razvitie kul'tury i turizma v Chechenskoj Respublike"* – The State program of the Chechen Republic "Development of culture and tourism in the Chechen Republic". Available at: <https://docs.cntd.ru/document/430606685> (date accessed: 05.12.2022).
6. *Edinaya koncepciya duhovno-nravstvennogo vospitaniya i razvitiya podrastayushchego pokoleniya Chechenskoj Respubliki* – Unified Concept of spiritual and moral education and development of the younger generation of the Chechen Republic. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?index=6&rangeSize=1> (date accessed: 09.12.2022).
7. *Koncepciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Chechenskoj Respubliki* – The concept of the State national policy of the Chechen Republic. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/432867330?marker> (date accessed: 11.12.2022).
8. Logunova L. Yu. *Semejno-rodovaya pamyat': vremennye ipostasi i social'nye resursy* [Family and ancestral memory: temporary hypostases and social resources] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2014. No. 379. Pp. 69–75.
9. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. SPb. Vladimir Dal, Russian Island, 2004. 624 p.
10. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. M. Canon+, ROOI "Rehabilitation". 2007. 480 p.
11. Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory // *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* – The Untouchable Reserve: A debate about politics and culture]. 2005. No. 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (date accessed: 23.12.2022).

12. Nora P. *Franciya-pamyat'* [France-memory]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University. 1999. 333 p.
13. Thakahov V. H. *Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoy politike Chechni* [Identity and memory in the toponymic policy of Chechnya] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza* – Scientific thought of the Caucasus. 2019. No. 2. Pp. 40–49.
14. Hasbulatova Z. I. *K voprosu o roli sem'i i obshchestva v vospitanii detej v tradicionnom chechenskom obshchestve v XIX – nachale XX v.* [On the question of the role of family and society in the upbringing of children in traditional Chechen society in the XIX – early XX century] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* – Theory and practice of social development. 2014. No. 3. Pp. 209–212.
15. Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. SPb. Vladimir Dal. 2004. 424 p.
16. Shub M. L. *Kul'tura pamyati v strukture identichnosti zhitelej industrial'nyh gorodov* [Culture of memory in the structure of identity of residents of industrial cities]. Chelyabinsk. ChSIC. 2021. 283 p.
17. Shub M. L. *Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: konceptualizaciya i formy reprezentacii v sovremenom sociokul'turnom prostranstve : diss. ... dokt. kul'turologii* [The image of the past as a cultural phenomenon: conceptualization and forms of representation in the modern socio-cultural space : diss. ... Dr. of Cultural Studies]. Chelyabinsk. 2018. 491 p.
18. Assmann A., Conrad S. *Memory in a global age. Discourses, Practices and Trajectories*. England : Macmillan Publishers Limited, 2010. 252 p.
19. Bernhard M., Kubik J. *Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration*. Oxford : Oxford University Press, 2014. 326 p.
20. Torpey J. *Politics and the Past. On Repairing Historical Injustices*. USA : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 328 p.